

Архимандрит Августин (НИКИТИН)

ЛЮБЛЮ ТЕБЯ, ПЕТРА ТВОРЕНЬЕ!

Часть 2

КРОНШТАДТ

Путешественники, прибывавшие к Петербургу морем, прежде всего видели Кронштадт — город, расположенный на острове Котлин (Ретусари) в Финском заливе, в 30 километрах от центра российской столицы. Он был основан в 1710 году как крепость, защищающая Петербург с моря. Вот что сообщал в 1712 году об этом городе шведский автор Ларс Юхан Эренмальм: «В пяти милях (немецкая миля — 7,4 км. — *Авт.*) от Петербурга в Финском заливе находится Кроншлот — на острове, который представляет собой ровную и плодородную, но очень низменную землю... На этом острове царь намерен построить так называемый Новый Амстердам. Для этой цели уже приготовлено различное снаряжение, и проект должен приобрести такой же вид, что и Амстердам в Голландии, по той причине, что ни один город за границей не понравился царю столь сильно»¹.

27 января 1712 Петр I издал указ о принудительном переселении жителей Петербурга на остров Котлин «по скончании сей войны». Переезду подлежали три тысячи семей из числа наиболее знатных и богатых. Однако планы Петра по созданию на Котлине столицы исполнены не были. Тем не менее в 1736 году, ко времени приезда в Россию датчанина фон Хавена, Кронштадт превратился из небольшой крепости в город. «Первоначально это было только укрепление, устроенное для защиты гавани и называвшееся Кроншлотом; но в 1721 году, по причине распространения укреплений и увеличения числа жителей, оно было названо Кронштадтом»², — писал датский автор.

О первоначальной застройке Кронштадта сообщает немецкий историк Генрих Кристоф (Кристиан) фон Реймерс (1768—1812): «В 1719 г. Петр Великий распорядился по-

---

Архимандрит Августин (в миру — Дмитрий Евгениевич Никитин) родился в 1946 году в Ленинграде. Окончил физический факультет Ленинградского государственного университета. В 1973 году принял монашеский постриг с именем Августин. Пострижен в монашество митрополитом Никодимом в Благовещенской церкви его резиденции в Серебряном Бору в Москве. В 1974 году рукоположен во иеродиакона и иеромонаха. Окончил Санкт-Петербургскую духовную академию, преподаватель, доцент Санкт-Петербургской духовной академии.

¹ Цит. по: Беспятых Ю. Н. Страницы старинной рукописи // Нева, 1982, № 5. С. 188.

² Путешествие по России в 1736—1739 годах (Из дорожных записок фон Гафена) // Северная пчела, 1863, № 150. С. 689.

строить себе на острове каменный дворец в форме четырехугольника, Гостиный двор, состоявший из четырех больших каменных зданий, предоставляемых в аренду купцам с их товарами, и рынок съестных припасов. У князя Меншикова здесь также был большой каменный дом с двумя флигелями. Верхний этаж предназначался для жилья, нижний сдавался внаем купцам. Это здание, лучшее в Кронштадте, и дома вице-адмирала и других морских офицеров, всего примерно 25 зданий из обожженного кирпича, стояли на берегу моря, рядом с ними — кабак. Здесь же была обширная слобода, состоявшая из деревянных домов, в которых жили судостроители, служащие флота и матросы»³.

До 1885 года, пока не был прорыт Морской канал, сооруженный с целью доступа кораблей глубокой осадки через морской бар (мель) возле устья Невы, в петербургскую гавань могли приходиться лишь относительно небольшие суда. Это обстоятельство и отражено в сообщении фон Хавена, который первоначально высадился именно в Кронштадте и смог осмотреть этот город. «26 июля 1736 года прибыл я в Кронштадт на русском пакетботе, державшем сообщение между этим городом и Любеком», — писал датский автор, замечая далее, что «Кронштадт имеет много прекрасных зданий, в числе которых находятся русские церкви... Главная русская церковь, построенная в 1718 году, по внутренней отделке великолепнее, чем по наружному виду»⁴. Здесь имеется в виду деревянная соборная церковь Св. Андрея Первозванного, поставленная близ канала. Она была освящена 13 июля 1718 года⁵.

Как раз в тот год, когда в Кронштадте было завершено строительство храма Св. Андрея Первозванного, в городе побывал брауншвейгский резидент в Петербурге Ф.-Х. Вебер. «В 1718 году там закончена постройка русской церкви, которая представляет собой довольно изящное здание, — замечает он, добавляя при этом: — Евангелического исповедания иностранцы отправляют свое богослужение там в одном частном доме»⁶.

Православные богослужения, совершавшиеся в Кронштадте, также проводились не только в новопостроенном храме, но и в частных домах. Об этом упоминает один из поляков, прибывший в Россию в составе посольства короля Августа II в 1720 году. По словам его, в Кронштадте, где у князя Меншикова был выстроен дворец, «все мы расположились в этом дворце, а в зале служились Божественные литургии»⁷.

Англичанин Фрэнсис Дэшвуд, прибывший в Кронштадт в 1733 году, упоминает о двух местных православных храмах: «На острове есть две часовни, или церкви, с красивыми запрестольными образами на греческий манер»⁸. Одна из них — это уже упомянутая церковь Св. Андрея Первозванного (1718); вторая — Богоявленская (1728—1731, архитектор И. К. Коробов), с резным вызолоченным иконостасом⁹. В 1735 году эти храмы лицезрел К.-Р. Берк. «Я видел две русские церкви — обе деревянные, но одна из них построена хорошо. Есть там и немецкая церковь»¹⁰, — пишет шведский ученый.

Самая первая православная церковь — Преображения Господня — на Котлине (на Толбухинской косе) была поставлена в 1706 году (существовала до 1788 года). Го-

³ Реймерс Генрих фон. С.-Петербург в конце своего первого столетия. СПб.: Росток. 2007. С. 117.

⁴ Путешествие по России в 1736—1739 годах (Из дорожных записок фон Гафена) // Северная пчела, 1863, № 150. С. 689.

⁵ Елагин С. И. Начало Кронштадта. Кронштадт, 1866. С. 21.

⁶ Вебер Ф.-Х. Записки о Петре Великом и об его преобразованиях // Русский архив, 1872, № 6—9. С. 1699.

⁷ Петербург в 1720 году. Записки поляка-очевидца // Русская старина, 1879. Т. 25. С. 279—280.

⁸ Дэшвуд Фрэнсис. Дневник пребывания в С.-Петербурге в 1733 году // Беспятых Ю. Н. Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях. СПб., 1997. С. 54.

⁹ Елагин С. И. Начало Кронштадта. Кронштадт, 1866. С. 21.

¹⁰ Берк К.-Р. Путевые заметки о России // Беспятых Ю. Н. Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях. СПб., 1997. С. 248.

родскую деревянную церковь во имя Св. апостола Андрея Первозванного посреди губернских домов западнее канала построили в 1717—1718 годах (в 1742 году ее за ветхостью разобрали). Скорее всего, К.-Р. Берк видел эту, а также деревянную морскую Богоявленскую (во имя Богоявления Господня) церковь с семярусной колокольней, возведенную И. К. Коробовым в 1728—1731 годах в восточной части Кронштадта (снесена в 1841 году)¹¹. Что же касается «немецкой церкви», то это была евангелическо-лютеранская церковь Св. Елизаветы у Петербургских ворот, упоминаемая еще под 1707 годом. В 1719 году для евангелическо-лютеранского прихода был освящен недостроенный амбар, к нему в 1724 году сделали пристройки; здесь службы и проводились до 1753 года¹².

О веротерпимости, бытовавшей в Кронштадте, упоминает Педер фон Хавен. «Население Кронштадта состоит из людей самых разных наций, как и в Петербурге, поэтому ведет самый различный образ жизни. Здесь, как и во всех других городах по всей России, существует свобода отправления религиозных обрядов, — пишет датский автор. — Однако до сих пор, насколько я помню, люди ни одной веры, кроме русской, не имели в Кронштадте достаточно сильной общины, чтобы возвести настоящую церковь. Поэтому богослужение каждой секты происходит пока в особом доме, или собрании. Интересно, что в 1714 году объявился в Кронштадте пленный шведский офицер, уроженец Кенигсберга. Он, поскольку там тогда не было духовных лиц, не только проповедовал трем религиозным общинам, но и совершал все таинства и крестил детей по вере каждого, как того желали, пока спустя несколько лет этому его занятию не положили конец»¹³.

Эти сведения К.-Р. Берк заимствовал у ганноверского резидента Ф.-Х. Вебера, сообщившего, что «лютеранская община прежде имела на острове собственного проповедника, но поскольку его жалованье было слишком малым, то в 1714 году он уволился. Вскоре после этого объявился один шведский пленный, по рождению кенигсбергец, плененный в Польше в чине лейтенанта и просидевший несколько лет в Москве, а затем получивший свободу жить, как сможет, где угодно в стране. Наконец он прибыл на остров Ретусари, и поскольку в то время там не было ни одного духовного лица, то он не только читал проповеди общинам трех вероисповеданий, но также совершал все таинства и крестил детей по вере каждого, как просили. Однако, в конце концов, по прошествии пары лет, его от этого занятия освободили. Но тем не менее, поскольку ему некуда было ехать и он не имел средств к существованию, его вновь устроили, назначив лейтенантом»¹⁴.

Вот как излагается эта история в записках фон Реймерса: «Уже тогда на острове жили несколько иностранцев, у которых богослужение велось в частном доме. У лютеран был собственный священник, который, однако, вследствие удорожания жизни не мог прожить на собственные доходы и в 1714 году уехал. Вскоре после этого шведский пленный, кенигсбергец родом, служивший в Польше в чине лейтенанта, затем проведший несколько лет в московском плену и получивший свободу, оказавшись в Кронштадте, где не было священнослужителя, стал священником в приходах трех разных вероисповеданий, вел службу и крестил детей верующих по любому обряду — как

¹¹ Тимофеевский Ф. А. Краткий исторический очерк двухсотлетия города Кронштадта. Кронштадт, 1913. С. 65, 66, 81—83, 86; Розадеев Б. А., Сомина Р. А., Клещева Л. С. Кронштадт: Архитектурный очерк. Л. 1977. С. 32.

¹² Тимофеевский Ф. А. Краткий исторический очерк... С. 98—101.

¹³ Хавен Педер фон. Путешествие в Россию // Беспятых Ю. Н. Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях. СПб., 1997. С. 304.

¹⁴ Из книги Фридриха Христиана Вебера «Преображенная Россия» (часть I) // Беспятых Ю. Н. Петербург Петра I. С. 129, 137.

пожелает родитель. Однако по прошествии нескольких лет правительство положило этому занятию конец, и он возвратился на стезю лейтенанта российской военной службы»¹⁵.

О веротерпимости, бытовавшей в Кронштадте, в 1738 году свидетельствовал и Антиох Кантемир: «Здесь есть разные вероисповедания, и представители каждого управляют свои обряды так хорошо, как это только возможно»¹⁶.

Летом 1739 года в Кронштадт прибыл уроженец Венеции Франческо Альгаротти.

Франческо Альгаротти родился в Венеции в богатой купеческой семье в 1712 году. Он учился в Риме, затем в университетах Болоньи и Флоренции. Альгаротти объездил всю Европу, завязал дружбу с монархами и известными литераторами. Он становится близким другом Фридриха II. Август III, король Польши и курфюрст Саксонии, доверяет ему подбор картин для Дрезденской художественной галереи. С ним переписываются папа Бенедикт XIV и Вольтер. Академии многих стран считают за честь принять его в свои ряды. С 1736 года Альгаротти жил в Лондоне, где свел знакомство с Антиохом Кантемиром, находившимся там на дипломатической службе. В 1753 году он обосновывается в Италии; умирает он в Пизе в 1764 году; похоронен в Некрополе знаменитостей рядом с Падающей башней; надгробный памятник ему поставлен Фридрихом II.

Летом 1739 года Альгаротти совершил поездку в Петербург по приглашению лорда Балтимора, который представлял английский двор на бракосочетании Анны Леопольдовны, племянницы императрицы Анны Иоанновны. Об этой поездке он рассказал в своей книге «Путешествие в Россию». Венецианский автор подробно описывает морской путь, ведущий в Кронштадт.

Вечером восемнадцатого июня мы бросили якорь на расстоянии одного пушечного выстрела, или чуть больше, от Кроншлота, после того как нас провел по невероятно извилистому фарватеру русский лоцман; лоцмана прислал нам на борт корабль береговой охраны, который постоянно стоит на якоре в четырех милях от порта. Кроншлот — это форт, защищающий вход в кронштадтскую гавань. А сам кронштадтский остров¹⁷ расположен возле устья Невы, реки, которая, вытекая из Ладожского озера, омывает Петербург и после этого заканчивается в заливе. И от бега этой великой реки, который отнюдь не притормаживается впадением ее в залив, и происходит то течение, которое от Кроншлота поворачивает к Готланду и тащит, как я уже говорил, корабли к финскому берегу. Царь Петр, задумав основать Петербург, понимал всю важность Кронштадта, являющегося его, Петербурга, контрфорсом, и укрепил его так, что мало найдется в мире крепостей, могущих с ним сравниться.

Вы только вообразите, — для того чтобы войти в кронштадтский порт, требуется пройти между Кроншлотом, этим фортом с четырьмя бастионами, и батареей, носящей имя Петра; тот, кто приблизится туда с враждебными намерениями, будет встречен салютом бесчисленного количества орудий, которых только в петровской батарее насчитывается больше сотни; я уж не говорю о бесконечном количестве маневров, которые придется выполнить, чтобы выйти на траверз самого порта. Требуется некий определенный ветер, дабы пройти по фарватеру, туда ведущему, а что до поворотов, то об этом и говорить не пристало, до того там узкие пространства. И если снять оттуда плавающие сигнальные вымпелы, то даже самый опытный лоцман корабля там не проведет. Тем не менее проходить там все равно пришлось бы:

¹⁵ Реймерс Генрих фон. С.-Петербург в конце своего первого столетия. СПб.: Росток. 2007. С. 117.

¹⁶ Кантемир А. Д. Описание Кронштадта и Петербурга // Беспятых Ю. Н. Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях. СПб., 1997. С. 458.

¹⁷ Остров Котлин.

*Aut facilia, aut difficilia, per haec eundum*¹⁸. Вне фарватера, если идти в сторону Ингрии, глубины всего пять футов, а в той стороне, где Финляндия, глубина есть, но она все равно недостаточна для прохода военных кораблей.

Те пушки, что защищают Кронштадт, большей частью отлиты из железа, но сделаны они так аккуратно и так хорошо покрыты воронением, что кажутся стальными. Укрепления тут сплошь деревянные, но предполагается сделать их каменными, как сделана часть мола, который начинают уже ладить из этого материала. Подобным же образом из камня — который добывают в окрестностях Нарвы — выложены берега того канала, который сейчас заканчивают; это совершение, вполне достойное древних римлян. Ширины в нем столько, чтобы могли без помех разойтись два самых крупных корабля; соответствующая у него и глубина, а длиною он будет несколько больше полутора миль. У его окончания расположатся верфи, где можно будет выводить сухо военные суда. Это — дело, задуманное еще царем, и цель его двоякая: одна — это достигнуть лучшей сохранности кораблей, которые в пресной невисской воде быстро начинают гнить, другая же — их обезопасить, поскольку на суше они защищены от любого неприятельского обстрела¹⁹.

В 1787 году Санкт-Петербург посетил Франсиско де Миранда, борец за независимость Испанской Америки, прибывший в Россию из Венесуэлы. (Он сыграл существенную роль в провозглашении республики 1811—1812 годов.) Вот как де Миранда добирался из Санкт-Петербурга до Кронштадта: «8 июля. В половине восьмого утра выехал в карете, запряженной шестеркой лошадей, в Ораниенбаум, который находится в 40 верстах отсюда. До Петергофа дорога превосходная, а загородные дома, большей частью дворцы, и сады по обеим сторонам так ее украшают, что езда превращается в истинное наслаждение. До Петергофа 26 верст, до Ораниенбаума еще 14, итого 40, но вторая часть пути не столь хороша, как первая. В половине одиннадцатого прибыли, и мне тут же предложили десятивесельную шлюпку, на которой я за рубль переправился со слугой в Кронштадт, за семь верст от Ораниенбаума. Море было бурное, и лишь в половине двенадцатого я снова ступил на берег»²⁰.

Целый день был посвящен осмотру портовых сооружений; де Миранда упоминает о «пристани с парапетом, ранее деревянной, теперь же по приказанию императрицы возводят гранитную, по основательности и великолепию достойную римлян. <...> Каменный парапет, облицованный гранитом, возводят с 1784 года, и невозможно поверить, что столько уже удалось сделать. Камень привозят из Выборга, с островов у финского побережья, за 40 верст отсюда»²¹. На следующий день, 9 июля, Франсиско де Миранда в сопровождении представителей местных властей проследовал к Богоявленской церкви. «Не без труда взобравшись на самый ее верх, насладились прекраснейшими видами на весь Финский залив, Петербург и проч., — вспоминал гость из далекой страны. — Замечу, кстати, что это старое деревянное здание необычайно прочно, а верхняя его часть, очень изящная, напоминает корону»²².

В начале XIX века, как сообщал фон Реймерс, «Кронштадт помимо трех русских церквей имеет немецкий молельный дом и английский; ныне он насчитывает 233 человека жителей, учтенных городским комендантом. Гарнизон состоит из одного полка (3 тысячи человек). В настоящее время здесь находятся 10 тысяч матросов, 2 пол-

¹⁸ Легко ли, труден ли путь — но его придется проделать (*лат.*).

¹⁹ Альгаротти Франческо. Из книги «Путешествие в Россию» // Звезда, № 5, 2003. С. 77—78. Перевод выполнен Ю. Н. Ильиным по изданию: Francesco Algarotti. *Viaggi di Russia*. Torino, 1943.

²⁰ Миранда Франсиско де. Российский дневник. Москва—Санкт-Петербург. М., 2000. С. 111.

²¹ Там же. С. 112.

²² Там же. С. 113.

ка флотских солдат; таким образом, в целом число жителей составляет примерно 40 тысяч»²³.

Кронштадт был оживленным портовым городом, где жили представители разных конфессий. И когда английский писатель Льюис Кэрролл прибыл сюда 22 августа 1867 года, то его здесь встретил Джон Херберт Мак-Суини (1827–1899) — капеллан британского консульства в Кронштадте. «Мы видели весьма редкий трофей: взятую у англичан пушку с канонерки „Валчер“; она была выброшена на берег и стала военной добычей»²⁴, — пишет Кэрролл. А его спутник Лиддон в своем дневнике уточняет: «В цейхгаузе нам показали пушку, взятую у англичан вовремя Крымской войны»²⁵.

А теперь снова дадим слово Льюису Кэрроллу: «Затем мы наняли лодку и прошли на веслах по гавани, высадившись на берег в одном месте, чтобы осмотреть строящуюся верфь колоссальных размеров: стены там кладут из прочных гранитных плит, внешняя сторона которых до того гладка, словно их предназначают для украшения интерьера: одну такую плиту как раз укладывали под наблюдением офицера и с неизбежными криками и суматохой. В целом вся стройка походит на муравейник: сотни работников суетятся вогромном котловане, со всех сторон непрерывно раздается звон молотов. Так, верно, выглядело строительство пирамид. Насколько можно судить, верфь обойдется в 3 1/2 миллиона рублей. Позже мы поднялись на колокольню церкви мистера Мак Суини, откуда открывается великолепный вид на Кронштадт»²⁶.

Испанский морской офицер, писатель и журналист Мануэль де Мендивиль побывал в Кронштадте в 1901 году. В его записках не упоминается о церковном быте острова, однако они представляют большую общеисторическую ценность. «Я очень хорошо помню и мог бы детально описать мой визит на эскадру, что стояла в Кронштадте. Я ходил по палубам „Полтавы“, „Суворова“, „Рюрика“ и „Сисоя Великого“²⁷; я сидел за столом с адмиралом Макаровым»²⁸, — вспоминал Мануэль де Мендивиль.

Записки испанского автора увидели свет уже после начала Русско-японской войны, и он отдает дань памяти прославленного адмирала: «В Порт-Артуре и при Цусиме в жестоких боях погибли броненосцы, которые я видел в Кронштадте. Адмирал Макаров тоже погиб на глазах у своей эскадры. Когда я вызываю в памяти его гордый образ, мне кажется, что на меня все еще смотрят его выразительные глаза, надменные и грустные, глаза сильного человека, и я от всего сердца отдаю долг его памяти. Это был блестящий офицер, который погиб как герой: он боролся до последнего; он сражался за своего царя и за свой флаг; он принес свою жизнь в жертву Родине; хладнокровный и спокойный, он не моргнув принял ледяной поцелуй Смерти...»²⁹

ПЕТЕРГОФ

Петергоф — приморская парадная резиденция Петра I. Петергофская дворцовая церковь, освященная в 1711 году во имя святых апостолов Петра и Павла, была первоначально деревянной. В 1715–1724 годах архитекторами И.-Ф. Браунштейном, Ж.-Б.-А. Леблонем (ум. в 1719 году) и Н. Микетти был выстроен Большой дворец. Почти прервавшиеся с кончиной Петра I (28 января 1725 года) работы в Петергофе возобно-

²³ Реймерс Генрих фон. С.-Петербург в конце своего первого столетия. СПб.: Росток. 2007. С. 119.

²⁴ Кэрролл Льюис. Дневник путешествия в Россию в 1867 году, или Русский дневник. СПб., 2013. С. 65.

²⁵ Там же. С. 66.

²⁶ Там же. С. 65–66.

²⁷ Корабль назван по имени главного колокола в Ростове Великом.

²⁸ Мендивиль Мануэль де. Санкт-Петербурга // Образ Петербурга в Испании. СПб., 2003. С. 159.

²⁹ Там же. С. 160.

вились с восшествием на престол Анны Иоанновны. В 1745—1754 годах В. В. Растрелли перестроил Большой дворец, он с некоторыми изменениями существует и поныне³⁰.

Каменное здание храма возвели в 1748 году, а 10 сентября 1751 года состоялось его освящение. Пятиглавая церковь находилась на втором этаже восточной оконечности Большого Петергофского дворца³¹. Как сообщал итальянец Мизере, 28 июня 1762 года Петр III из Ораниенбаума «со свитой отправился в Петергоф, чтобы присутствовать там при всеобщей накануне праздника святых Петра и Павла»³². Этот отъезд состоялся как раз накануне переворота.

Дальнейшие сведения, связанные с придворным петергофским храмом, можно почерпнуть из записок швейцарца Иоганна Бернулли, племянника, внука и правнука известных в России астрономов и естествоиспытателей. В 1777 году он посетил Петербург и описал свои впечатления в книге, изданной в Лейпциге спустя три года³³.

Одна из глав его сочинения носит название «Праздник в Петергофе». «Воскресенье 2 августа (1777 года. — *Авт.*) — то был день святой Марии, и в Петергофе праздновались именины Великой Княгини, — отмечает И. Бернулли, переходя к описанию церковных торжеств: — Императрица была уже в церкви, когда мы приехали. Мне повезло, однако, проникнуть туда и достаточно иметь поля для зрения... потому что церковь невелика и не может быть сравнима с дворцовыми церквями Версаля, Дрездена и пр. <...> Всем моим читателям должно быть известно, что во всех русских церквях и капеллах священник священнодействует в особом помещении, отделенном особою стеною (иконостасом) от остальной церкви, и туда никто, кроме сослужащих, не допускается. В присутствии царицы и ее детей делается исключение. Монархиня была именно в этой святой святых слева то коленапреклоненная, то стоя у поставца (*Priedieu*), а за нею у входа были Великий Князь и Великая Княгиня вместе у поставца»³⁴.

Как бы переводя дух от непривычно продолжительного для протестанта православного богослужения, швейцарский гость продолжает далее: «От церковной службы осталось мне лишь то, что она продолжалась долго; ибо после обедни была проповедь, и священник (я забыл его титул) не принял поцелуя руки от императрицы, когда он ей передавал остатки освященного хлеба. Сама церковь доставила мне, однако, развлечение, ибо она изящно убрана золочеными украшениями на белом фоне и изукрашена живописью. Таковая, конечно, на старый русский церковный вкус, по которому в особенности избегают светло-темного, но вообще хорошо исполнена. Они украшают иконостас, так ими называемый. За алтарем обыкновенно также картина, которую я, однако же, здесь видеть не мог. Редко встречаются изображения Ветхого Завета, хотя в виде исключений мне пришлось видеть и таковые»³⁵.

В 1787 году Петергоф посетил борец за независимость Испанской Америки Франциско де Миранда. «Фонтаны струились, ожидая меня, и во дворце по случаю моего приезда слуги уже два дня ходили в парадных ливреях, — пишет гость из далекой Венесуэлы. — Явился барон де Витт, и мы отправились осматривать роскошные апартаменты. В одной из комнат собраны портреты российских монархов, и среди них несчастный Петр III. В другой висят шесть огромных полотен с изображениями Чесменского сражения, битвы при Лемносе и т. д. Бальная зала просто великолепна.

³⁰ Гейрот А. Ф. Описание Петергофа. СПб., 1868. С. 7—34; Раскин А. Г. Петродворец: Дворцы-музеи, парки, фонтаны. Л., 1988. С. 7—16.

³¹ См.: Лавры, монастыри и храмы на Святой Руси. С.-Петербургская епархия. СПб., 1908. С. 31.

³² Дневник статского советника Мизере о службе при Петре Третьем // Русский архив, 1911, № 5. С. 20.

³³ Johann Bernulli's Reisen nach Brandenburg, Pommern, Preussen, Curland, Russland und Polen in den Jahren 1777 und 1778. — Leipzig, 1780.

³⁴ Бернулли И. Записки // Русский архив, 1902. Кн. 1. С. 13—14.

³⁵ Там же. С. 15.

Затем прошли в новые покои трех малолетних великих княжон, недавно отведенные им по приказу императрицы, удобные и просторные. Потом в **церковь, или часовню**, расположенную в одном из крыльев дворца и соединенную с ним террасой. Оттуда спустились к удивительным фонтанам с многочисленными статуями и таким изобилием воды, какого я никогда не видел. Два гладиатора мечут из змей, обвинившихся вокруг их рук, сильные струи, пересекающиеся далеко в воздухе; Самсон раздирает пасть льву, и мощный фонтан бьет отсюда на девять с половиной саженой (sajenes)³⁶.

Еще одно описание достопамятностей Петергофа принадлежит Джеймсу Эдварду Александру, побывавшему здесь в 1829 году. «Петергоф — самый старый дворец в окрестностях Петербурга. Он был выстроен великим царем как памятник морским победам и расположен на возвышенности над Финским заливом, — пишет английский офицер. — Главная зала дворца украшена портретами русских красавиц, одни изображены спящими, другие — смеющимися или плачущими; в остальных комнатах висят картины морских сражений. Главной достопримечательностью Петергофа являются его разнообразные фонтаны. Во дворце хранится платье Петра, не только царское облачение, но и одежда, в которой он работал в доках, его трости со встроенными подзорными трубами и измерительные приборы»³⁷.

К Нижнему парку примыкает дворцово-парковый ансамбль «Александрия», расположенный на берегу Финского залива. В 1825 году, незадолго до кончины, император Александр I подарил эти земли своему брату Николаю. Когда тот вошел на престол, здесь сразу началось строительство парка; в честь жены Николая I новая резиденция получила наименование «Александрия — дача Ея Величества». Одно из знаменитых сооружений Александрии — церковь во имя Св. Александра Невского, известное также как Капелла. Ее возведение — своеобразное отражение русско-немецких культурных связей. Проект Капеллы был выполнен в 1829 году немецким зодчим К. Шинкелем, строительство вели петербургские архитекторы А. Менелас и И. Шарлемань³⁸. Церковь была освящена осенью 1834 года.

Именно в этом храме в 1839 году присутствовал за богослужением датский посланник фон Гагерн: «Утром обедня в небольшой готической церкви Петергофского парка»³⁹, — отметил он в своем дневнике под 25(13) августа. В этом храме хранилась панагия с частицей Животворящего Креста, осыпанная драгоценными камнями; она была подарена императору Николаю I в 1837 году армянским католикосом⁴⁰.

Здание церкви привлекало современников необыкновенным изяществом форм, точностью пропорций, богатой внешней и внутренней отделкой. В декоре Капеллы использовали чугун: более тысячи различных художественных деталей отлили мастера казенного Александровского завода. Они же по 12 моделям скульптора В. И. Демут-Малиновского выбили из медных листов 43 крупные статуи: фигуры апостолов, евангелистов, ангелов, Богоматери с Младенцем. Особое очарование придавали Капелле витражи, установленные в крупных розетках над порталами; их изготовили по специальным шаблонам из цветного зеркального стекла в 1833 году на Петербургском стеклянном заводе.

...В 1914 году началась Первая мировая война. О событиях, предшествовавших вступлению России в войну, пишет Пьер Жильяр, наставник цесаревича Алексея, сына Николая II.

³⁶ Миранда Франсиско де. Российский дневник. Москва—Санкт-Петербург. М., 2000. С. 121.

³⁷ Александр Джеймс. Россия глазами иностранца. М., 2008. С. 52.

³⁸ См.: Кючарианц Д. А., Раскин А. Г. Пригороды Ленинграда. Л., 1985. С. 77.

³⁹ Россия и русский двор в 1839 году. Записки Гагерна // Русская старина, 1980, февраль. С. 331.

⁴⁰ См.: Лавры, монастыри и храмы на Святой Руси... С. 32.

29 июля мы узнали, что в Австрии объявлена общая мобилизация. На следующий день пришло известие о бомбардировке Белграда, и еще через день Россия ответила на это мобилизацией всей своей армии. Вечером того же дня германский посол в Петербурге, граф Пурталес, объявил Сазонову, что его правительство дает России двенадцатичасовой срок, чтобы остановить мобилизацию, — в противном же случае Германия сама будет мобилизоваться. Срок германского ультиматума кончился в субботу 1 августа в 12 ч. дня. Германский генеральный штаб прекрасно знал, что перерыв русской мобилизации, ввиду ее крайней сложности (из-за обширности страны, малого количества железных дорог и т. д.), вызвал бы такую путаницу, что для возобновления ее потребовались бы три недели. Эти три недели, на которые ее опередила бы Германия, обеспечили бы ей победу. Граф Пурталес появился, однако, в министерство иностранных дел лишь вечером. Войдя к Сазонову, он ему торжественно передал объявление войны Германией России⁴¹.

Бесстрашный француз добровольно отправился с опальной царской семьей в Сибирь и старался чем мог скрасить пребывание в заточении царя, царицы и их детей. Жильяр передал потомкам драгоценные сведения о последних днях императорской семьи, оставил яркие психологические портреты многих других известных личностей этой трагической эпохи в жизни России. Не в пример многим русским сановникам, генералам и прочим, позволявшим себе с иронией, снисходительностью, а то и злобой отзываться о семье российского царя, Пьер Жильяр говорил и писал с благоговением, любовью и глубокой печалью.

Вот что записал Пьер Жильяр в своем дневнике под 21 августа 1914 года: «В то время, когда эти исторические события разыгрывались в кабинете министра иностранных дел в Петербурге, Государь, Государыня и Великие Княжны были у всенощной в маленькой **Александрийской церкви**. Встретив Государя несколько часов перед тем, я был поражен выражением большой усталости на его лице; черты его вытянулись, цвет лица был землистый, и даже мешки под глазами, которые появлялись у него, когда он бывал утомлен, казалось, сильно выросли. Теперь он всей своей душой молился, чтобы Господь отвратил от его народа войну, которая, он это чувствовал, была близка и почти неизбежна. Все его существо казалось преисполненным порывом простой и доверчивой веры. Рядом с ним стояла Государыня, скорбное лицо которой выражало то глубокое страдание, которое я так часто видел у нее у изголовья Алексея Николаевича. Она тоже горячо молилась в этот вечер, как бы желая отвести грозящую опасность... Служба кончилась, и Их Величества с Великими Княжнами вернулись на ферму Александрию. Было около 8 часов вечера. Государь, прежде чем пройти в столовую, зашел в свой рабочий кабинет, чтобы ознакомиться с доставленными в его отсутствие депешами. Из телеграммы Сазонова он узнал, что Германия объявила войну»⁴².

...В годы Великой Отечественной войны здание Александрийской церкви сильно пострадало от артиллерийских обстрелов, детали внешнего и внутреннего декора были утрачены. Начатая в послевоенные годы научная реставрация храма позволила почти полностью вернуть ему внешний облик.

ЦАРСКОЕ СЕЛО

Еще в начале XVIII века на месте г. Пушкина была окруженная лесами и расположенная на возвышенности благоустроенная мыза Саари мойс⁴³. Впервые в истории Петербурга Сарская мыза упоминается генерал-адмиралом Ф. М. Апраксиным, спо-

⁴¹ Жильяр Пьер. Император Николай II и его семья. М., 2006. С. 98.

⁴² Там же. С. 99–100.

⁴³ Возвышенная местность (*финск.*). — *Примеч. авт.*

движником Петра I, в донесении 24 августа 1702 года с театра действий Северной войны: «Крониорт разбит на Ижоре, бежал в Сарскую Мызу, где простояв дня три, удалился к Канцам...»⁴⁴ После изгнания шведов ее стали называть по-русски Сарская мыза; когда в 1708 году мызу превратили в царское владение, название снова изменилось и стало звучать как Сарское, а затем и Царское Село⁴⁵. В 1710 году царь Петр I и Екатерина принимали в Сарской мызе герцога Курляндского Вильгельма Фридриха, жениха царицы Анны Иоанновны. После этого Петр I дважды посещал Село Царское — в мае 1719 года и августе 1724 года.

Местных жителей с петровского времени называли маймистами (от финского «маа» — земля, к ним относились такие финские племена, как савакот и эйрмейсет, в просторечии они были известны как чухонцы). Для строительства усадебного хозяйства требовались материалы, устройство дорог, осушение болот, формирование плодородного слоя почвы. Эти работы выполняли русские крестьяне, переведенные в 1714 году Петром I из внутренних областей России в Сарскую, Славянскую и Пулковскую мызы. В повинности приписных крестьян-переведенцев и маймистов входили сельскохозяйственные и строительные работы. Руками этих крестьян и их потомков было построено Царское Село. В 1716 году с освящением первого православного храма Успения Пресвятой Богородицы Сарская мыза превратилась в центр большого поместья⁴⁶.

Дворцовая церковь. С 1752 года здесь началась реконструкция дворца, возведенного ранее по желанию Екатерины I. В новом Екатерининском дворце была устроена церковь; ее закладка состоялась 8 августа 1746 года. Храм освятили «в честь и память Светоносного Христова Воскресения». Здесь часто бывали иностранные гости; вскоре после кончины императрицы Елизаветы храм посетил шведский подданный граф Гордт, который присутствовал здесь в связи с празднованием дня рождения нового императора — Петра III. «День начался Божественной литургией; молебствие совершалось при пушечной пальбе; в церкви присутствовал Государь»⁴⁷, — писал Гордт. А немецкий автор И.-Г. Георги в конце XVIII века сообщал, что «восточный флигель (дворца. — *Авт.*) содержит великолепную церковь, коея кровля 5-ю крепко позолоченными куполами украшена»⁴⁸.

14 июня 1787 года Царское Село, проездом из Москвы в Санкт-Петербург, посетил Франциско де Миранда. «На тройке прекрасных лошадей я добрался до виллы София, недавно выстроенной по распоряжению императрицы в Царском Селе, где находится ее загородный дворец, — писал борец за независимость Испанской Америки. — Пока меняли лошадей, прогулялся по прекраснейшему парку и с восхищением лицезрел находившуюся поблизости башню-руину, Орловские ворота, или Триумфальную арку, ростральную колонну и т. д. А затем по превосходному прямому, как стрела, тракту проехал еще 22 версты до Петербурга. Дорога эта ярко освещена с обеих сторон, вдоль нее стоят аккуратные верстовые столбы из роскошного мрамора»⁴⁹.

А 18 июля того же 1787 года Франциско де Миранда снова побывал в Царском Селе, где имел встречу с императрицей Екатериной II. При входе в дворцовый храм де Миранда сразу был втянут в придворные интриги, о чем он повествует в своем путевом дневнике.

⁴⁴ Семенова Галина. Младенчество блистательной резиденции // Санкт-Петербургские ведомости, № 77, 30.04.2010. С. 6..

⁴⁵ См.: Кючарианц Д. А., Раскин А. Г. Пригороды Ленинграда. Л., 1985. С. 176.

⁴⁶ Семенова Галина. Младенчество блистательной резиденции // Санкт-Петербургские ведомости, № 77, 30. 04. 2010. С. 6.

⁴⁷ Плен графа Гордта в России (1759—1762) // Русский архив, 1877. Кн. 2, № 5—8. С. 322.

⁴⁸ Георги И.-Г. Описание российско-императорского столичного города Санкт-Петербурга и достопамятностей в окрестностях оного. СПб., 1794. С. 274.

⁴⁹ Миранда Франциско де. Российский дневник. Москва—Санкт-Петербург. М., 2000. С. 78.

Направляясь в церковь, Ее Величество подошла прямо ко мне: «О, как я рада видеть Вас! — сказала она. — Мы не встречались с самого Киева. Как прошло путешествие?» и т. д. Я тоже зашел в церковь, она кивком головы подозвала меня и передала по секрету, если я еще о них не слышал, слова испанского поверенного, сказав, что просила Безбородко уведомлять меня обо всем, дабы я знал, как себя вести, что теперь я сам убедился в ее правоте, ибо она еще в Киеве предостерегала меня от подобных людей, и проч. И все это с такой сердечностью и заинтересованностью, будто она мне поистине мать... До чего же благородная душа! Когда вышли из церкви, граф Остерман подвел меня и барона Местмахера, посланника в Курляндии, к Ее Величеству поцеловать руку, и императрица спросила обо мне: «Почему Вы представляете этого господина так, будто я с ним не знакома? Он мой давний знакомый, я знаю его дольше, чем любого из вас» и т. д., в шутку, конечно»⁵⁰.

В тот же день латиноамериканский «повстанец» осматривал царские покои. «В картинной галерее мое внимание привлекли два полотна с изображением Полтавской битвы, а в янтарной комнате невозможно было не остановить взгляд на покрытых *кафлями* из янтаря стенах — щедрый подарок короля Пруссии»⁵¹, — вспоминал де Миранда.

Летом двор переезжал в Царское Село. «Было установлено, что все придворные кавалеры будут отправляться туда по праздникам и воскресеньям, чтобы присутствовать в церкви, на обеде и вечернем собрании, — вспоминал князь Адам Чарторыйский. — Туда ездили и ночевать и даже поселялись там для продолжительного пребывания или в очень неудобных небольших флигелях, которые окружали дворец, или же в предместье, где также было плохо, но немножко свободнее, в домах, где не было ничего, кроме стен, окон и дверей»⁵².

В 1820 году придворный Воскресенский храм пострадал от пожара и был практически построен заново под руководством В. Стасова, который в основном сохранил растреллиевское убранство. Главное украшение церкви — шестиярусный иконостас. В таком обновленном виде этот храм в 1839 году могли видеть посланцы из Дании, в числе которых находился полковник фон Гагерн. В составе свиты он осмотрел также и жилые помещения Старого дворца, называвшегося так в отличие от Нового, Александровского дворца, построенного в 1792 году. «17(5) августа отправились в Царское Село — „русский Версаль“, — пишет Гагерн. — В Старом дворце видели комнату Александра <I> в том же виде, как он жил в ней... его рабочую комнату со всеми иконами... его ручную библиотеку, — смесь благочестивого и мистического, т. к. там находятся молитвенники, сборники церковных песен»⁵³. Таковы впечатления датского гостя от увиденного в Екатерининском дворце. Интересно также его замечание о том, что «в каждой комнате царскосельского дворца находится, по старинному русскому обычаю, икона»⁵⁴.

К 1846 году относятся сразу два упоминания о дворцовой церкви в Царском Селе. Первое из них, краткое, принадлежит супруге английского посланника при петербургском дворе леди Блумфильд. После посещения храма Большого дворца в Царском Селе

⁵⁰ Там же. С. 135.

⁵¹ Там же. С. 138.

⁵² Мемуары князя Адама Чарторыжского и его переписка с императором Александром I. Т. I. М., 1912. С. 88.

⁵³ Россия и русский двор в 1839 году. Записки Гагерна // Русская старина, 1890, февраль. С. 321.

⁵⁴ Там же. С. 332.

она записала: «Церковь очень богато отделана в синий цвет и золото, а зала, ведущая в нее, белая с золотом»⁵⁵. В том же 1846 году Россию посетил шведский принц Оскар Фридрих, будущий король Оскар II (1872–1907), который был также поэтом и историком. 19 июля принц со своей свитой присутствовал на воскресном богослужении в дворцовой царскосельской церкви. Его адъютант сделал по этому случаю такую запись: «Была в церкви служба за императорскую фамилию и весь двор. Это было очень интересно. Их богослужение, весьма похожее на католическое, очень странно для нас (лютеран. — *Авт.*). Пение, бесконечно прекрасное, производит глубокое впечатление. Во время богослужения все стояли, и император, как последний крепостной, крестился всякий раз, когда произносилось имя Спасителя. Служивший священник делал три поклона за императора и императрицу и по одному за каждого из великих князей и один за всех прихожан. Мне кажется, что эта церемония есть своего рода благословение»⁵⁶.

Янтарная комната. В 1701 году немецкие и датские мастера изготовили настенные панели из янтаря по заказу Фридриха I к его коронации. Через пятнадцать лет по случаю заключения мира между Россией и Пруссией он подарил «Янтарный кабинет» Петру I. Дарителю по прозвищу Король Солдат в ответ отправили пятьдесят пять русских grenадеров. Подарок разместили в одном из залов золотой анфилады Царскосельского Екатерининского дворца. Растрелли окончательно преобразил Янтарную комнату, дополнив ее зеркальными пилястрами, расписным фризом, золоченым резным орнаментом и бра. В янтарные рамы вмонтировали флорентийские мозаики, посвященные пяти человеческим чувствам⁵⁷.

В 1803 году в Царском Селе побывал швейцарский пастор-реформат Этьен Дюмон. Царскосельский дворец в описании протестантского пастора — само по себе явление необычное, тем более что речь он ведет о знаменитой янтарной комнате: «Я был в Павловске и проездом остановился в Царском Селе, куда двор более не ездит. Оно служило любимым местопребыванием Екатерины II, и она на него истратила огромные суммы. Это был любимец без заслуг, как говорили о Версале; фонтаны великолепны, но воды не было, ее провели издалека. Дворец, если смотреть с фасада, недостаточно высок соответственно длине; он кажется сплюснутым; 17 лет тому назад я его видел отчасти крытым позолотой, теперь ее сняли.

Внутренние помещения отличаются азиатской роскошью, это длинный ряд комнат, в которых двери покрыты позолоченными украшениями, блестит великолепием, приличным только двору, где принято поражать тщеславием богатства, хотя оно нравится ненадолго... Я упоминаю о комнате, сплошь украшенной янтарем, впечатление которой лучше, чем я того ожидал, о другой комнате японского лака, третьей из непрозрачного белого стекла, которое я принял за фаянс, со стеклянными колоннами, обитыми снаружи металлическими полосами, что делает очень приятное впечатление, — о кабинете, где находится до двадцати восхитительных фламандских картин, о длинной галерее, служащей столовой и выступающей из дворца в сад, о мосте, составляющем точное подражание одному из красивейших образцов древности. Въезд в Царское Село замечателен своими двумя искусственными скалами, но этот портик вовсе не подходит к плоской местности; китайская деревня слишком правильно размещена, дома распределены симметрично»⁵⁸.

⁵⁵ Из воспоминаний леди Блумфильд // Русский архив, 1899, № 6. С. 240.

⁵⁶ Путешествие в 1846 году в Россию шведского принца Оскара-Фридриха (будущего короля Оскара II). Воспоминания его адъютанта. Иностранцы о России // Исторический вестник, 1914. Т. 135, № 1. С. 272–273.

⁵⁷ Светов Юрий. Янтарная комната существует // Общая газета, № 16, 18–24 апреля 2002. С. 10.

⁵⁸ Дневник Этьена Дюмона об его приезде в Россию в 1803 году // Голос минувшего, 1913, март. С. 94–95.

Янтарная комната привлекла внимание и Джеймса Эдварда Александра (1829); он упоминает о ней наряду с царскосельской дворцовой церковью: «Царское Село находится в 22 верстах от Петербурга. Дворец был построен при Елизавете, а Екатерина и Александр (I) потратили огромные суммы на его украшение, — пишет английский офицер. — Агатова, янтарная и изразцовая комнаты не имеют себе равных, полы выложены самыми дорогими и экзотическими древесными породами. Царскосельская церковь столь богато украшена золотым резным узором по черному фону, что просто невозможно представить что-либо более прекрасное. В России тщательно берегут платье, принадлежавшее императорам. В спальне Александра хранятся его перчатки, шляпа и сапоги»⁵⁹.

Когда немцы подошли к Ленинграду, сил женщин, оставшихся в осажденном городе и занимавшихся эвакуацией музея, не хватило для демонтажа тяжелых дубовых панелей. Янтарная комната осталась в опустевшем дворце. Фашисты сумели переправить ее в Кёнигсберг, надежно спрятать... Полвека поисков никаких результатов не принесли, лишь в 2000 году из Германии вернулась найденная там мозаика «Осозание и обоняние». Постановление о воссоздании шедевра вынес еще Совет Министров РСФСР в 1979 году. Исследования и подготовка заняли почти полтора десятка лет. А затем специалисты «Царскосельской янтарной мастерской» начали сложнейшие работы по восстановлению. На янтарную мозаику комнаты пошло полмиллиона камней. Янтарные пластинки величиной с ладонь нужно было подбирать по форме и цвету (использовано 13 оттенков), вырезать филигранные орнаменты, наклеивать с помощью мастики, сваренной по старинным рецептам, на деревянные панели⁶⁰. К маю 2003-го долголетний сложнейший научно-художественный проект был завершен окончательно.

⁵⁹ Александр Джеймс. Россия глазами иностранца. М., 2008. С. 51.

⁶⁰ Светов Юрий. Янтарная комната существует // Общая газета, № 16, 18–24 апреля 2002. С. 10.